

**КЛАССИКА, КОТОРАЯ
ВСЕГДА С ВАМИ!**

*Скажи, что ты читаешь,
и я скажу, кто ты.*

А. ЧЕХОВ / А. БЛАН

Страдания юного Вертера

*Иоганн Вольфганг
Гёте*

Перевод
Романа Эйвадиса

Москва
2024

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

Г44

Гёте, Иоганн Вольфганг.

Г44 Страдания юного Вертера / Иоганн Вольфганг Гёте ; перевод с немецкого Романа Эйвадиса. — Москва : Эксмо, 2024. — 256 с. — (Время для желаний).

ISBN 978-5-04-195311-9

Юный, честный, искренний и немного наивный Вертер раскрывает в письмах другу историю своей необыкновенной и несчастной любви. Молодая и красивая Лоттхен целиком завладела сердцем бедного Вертера, которого она не могла воспринимать никак иначе, кроме как друга. Но пламенные чувства молодого человека были так сильны и ему не подвластны, что в итоге сожгли его дотла.

Один из лучших романов немецкого сентиментализма в блистательном переводе специалиста по немецкой литературе Романа Эйвадиса.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

© Эйвадис Р.С., перевод, 2024

© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-195311-9

Книга первая

С усердием и заботливостью собрал я всё, что удалось мне разузнать об истории бедного Вертера, и предлагаю ныне на суд читателей, нисколько не сомневаясь в том, что примут они сию повесть с благодарностью. Ум и сердце моего героя не могут не вызывать в них любви и восхищения, а судьба — слёз сострадания.

Те же, кому ведомы искушения и муки, выпавшие на долю бедного Вертера, да почерпнут утешение в печальной участи его, книжка же сия да заменит им друга, коль скоро не смогли они обрести оно по воле рока или по собственной вине.

4 мая 1771 г.

Как рад я, что уехал! Драгоценный друг мой, что за загадка — сердце человека! Оставить тебя, столь любимого мною, тебя,

с кем был я неразлучен, — и радоваться! Ты простишь меня, я знаю. Ведь все иные мои привязанности словно нарочно посланы были мне судьбой, чтобы поселить в моём сердце страх и смятение. Бедняжка Леонора! Однако я не чувствую за собой вины. Разве виноват я в том, что пока свои равные прелести её сестры доставляли мне приятное развлечение, в этом бедном сердце зарождалась страсть? И всё же — так ли уж я безгрешен? Разве не питал я вольно или невольно хрупкие ростки её чувства? Разве не находил для себя некую отраду в искренних проявлениях души, кои столь часто служат нам источником веселья, не заключая, однако, в себе ничего смешного? Разве не был я... О, что за создание — человек, коему дано судить самого себя! Но я исправлюсь, друг мой, непременно исправлюсь, обещаю тебе, что не стану более вновь и вновь пережёвывать те мелкие огорчения и неприятности, что преподносит нам судьба, как поступал я прежде; я буду наслаждаться сегодняшним днём, вчерашний же пусть остаётся в прошлом. Ты прав, дорогой друг мой: страданий было б мень-

ше среди людей, когда б они — Бог весть, отчего они так устроены! — не предавались с такою неутомимою силою воображения любимому своему занятию: воскрешению в памяти минувших бед и огорчений, вместо того чтобы жить отнюдь не менее значимым сегодняшним днём.

Сделай милость, передай моей матушке, что поручение её выполнил я наилучшим образом и вскоре извещу её обо всём подробно. Я поговорил с тётушкой и не нашёл в ней решительно ничего общего с той злой ведьмой, каковою прослыла она в нашем семейном кругу. Это весьма живая женщина, хотя и строгого нрава, но с необыкновенно добрым сердцем. Я изложил матушкины жалобы по поводу удерживаемой ею нашей доли наследства; она привела свои доводы и причины и назвала условия, при которых готова отдать всё и даже более того, что нам причитается. Впрочем, не стану сейчас распространяться об этом предмете; скажи матушке, что всё уладится к её полному удовлетворению. Должен заметить, однако, друг мой, история сия лишней раз убедила меня в том, что недоразумения и косность,

пожалуй, производят в мире больше неприятностей, нежели злоба и коварство. Во всяком случае, последние определённо встречаются в жизни реже.

Чувствую я себя здесь превосходно. Одиночество весьма благотворно действует на мою душу в сей райской местности, а весенняя пора, точно созданная для юности, обильно согревает моё зябкое сердце. Каждое дерево, каждый куст кажется букетом цветов, так что хочется, обратившись майским жуком, пуститься по волнам благовоний и пить нектар.

Город сам по себе неказист, зато окрестности полны невыразимой красоты. Сие обстоятельство побудило покойного графа М. разбить сад на одном из холмов, кои, причудливо пересекаясь друг с другом, сходясь и вновь расходясь, образуют восхитительнейшие долины. Сад незатейлив; входя в него, тотчас же замечаешь, что план его начертан был не рукою учёного садовника, но чувствительным сердцем, искавшим здесь уединения и покоя. Не раз, сидя в ветхой беседке, любимом прибежище усопшего, а ныне и моём прибежище,

ронял я слезу, поминая прежнего хозяина. Вскоре я стану полноправным владельцем этих кущ; садовник уже успел привязаться ко мне, и я постараюсь не разочаровать его.

10 мая

Душа моя полна света и радости, как эти лучезарные весенние утра, которыми наслаждаюсь я с неистовою жаждой. Я совсем один и радуюсь своей новой жизни в здешних краях, словно созданных для таких душ, как моя. Я так счастлив, друг мой, так упоён чувством мира и покоя, что даже искусство моё страдает от этого. Ибо я решительно не могу рисовать, не в силах сделать даже штриха, а вместе с тем никогда ещё прежде не чувствовал я себя художником более искусным, нежели в эти мгновенья. Когда вокруг меня дымится туманом долина, а полуденное солнце недвижно висит над непроницаемым пологом тёмного леса и лишь редкие лучи украдкой просачиваются в его священный мрак; когда я, лёжа в высокой траве у шумного ручья, вперив взор в густую, пёструю сеть, сотканную из

бесконечного множества былинки, внимаю голосу этого крохотного мира, населяемого мириадами загадочных, непостижимых букашек, у самого моего сердца, и чувствую присутствие Всемогущего, сотворившего нас по образу и подобию Своему, дыхание Вселюбящего, несущего нас в Вечность на облаке нескончаемого блаженства, чувствую, как окружающий меня мир и небо покоятся в самой душе моей, словно образ возлюбленной, — тогда меня порою охватывает тоска, и я думаю: ах, если б мог я выразить всё это, напечатлеть на бумаге то, что так полно, так горячо живёт во мне, дабы образы эти сделались зеркалом моей души, подобно тому, как душа моя есть зеркало предвечного Бога! Но, друг мой, бремя этого чувства, сладостное иго прекрасного слишком тяжко, оно грозит раздавить меня.

12 мая

Не знаю, кому или чему обязан я тем, что всё вокруг представляется мне райскими кущами, — коварным духам ли, незримо витающим в сих краях, или собственной

фантазии, распалённой моё сердце. Есть в здешних окрестностях источник, к которому прикован я волшебными чарами, точно Мелюзина¹ со своими сёстрами. Спустившись с небольшого холма, вдруг оказываешься ты перед сводами, под сенью которых лестница ступеней в двадцать ведёт вниз, где из мраморной скалы бьёт хрустальный ключ. Каменная ограда наверху, окаймляющая тенистую рощицу, прохлада — всё это притягивает меня с неодолимою силою, точно некая сладостно-жуткая тайна. Я всякий день наведываюсь туда и провожу там час или более. Приходят из города девушки за водой — безобиднейшее и насущнейшее занятие, коего не чурались некогда и царские дочери. И сидя у источника, я столь остро чувствую патриархальную жизнь, столь живо воображаю, как праотцы наши сводили у колодца знакомство друг с другом, встречали здесь своих суженых, и словно слышу, как реют вокруг колодцев и источников добрые духи. О, понять мои чувства способен лишь

¹ Фея из кельтских и средневековых легенд, дух свежей воды в святых источниках и реках. (Прим. переводчика).

тот, кому хоть однажды довелось после долгой, утомительной прогулки жарким днём наслаждаться прохладой лесного ключа.

13 мая

Ты спрашиваешь, не прислать ли мне мои книги. Заклинаю тебя, дорогой мой: избавь меня от сей напасти! Я не желаю более назиданий, ободрений, прищипориваний, ибо сердце моё и без того кипит, не ведая покоя; мне надобна, напротив, колыбельная песнь, которую и нашёл я здесь с преизбытком в моём Гомере. Как часто баюкаю я свою волнующуюся кровь! Более своевольного, более мятежного сердца не сыскать во всём свете. Дорогой мой, мне ли говорить это тебе, тому, кто так часто принуждён был горестно взирать на мои перемены от печали к безудержному веселью, от сладостной меланхолии к губительной страсти? Вдобавок я ещё и пестую своё взбалмошное сердечко словно больное дитя, беспрекословно исполняя все его капризы. Однако ж не передавай никому моих признаний; есть люди, которые сурово осудят меня за них.

15 мая

Простолюдины сего городишки уже знают и привечают меня, особенно детвора. Между тем сделал я одно печальное наблюдение: когда в начале своего пребывания здесь я заговаривал с ними, дружелюбно расспрашивая о том о сём, некоторые из них думали, что я насмехаюсь над ними, и отвечали мне грубостью. Но это не оттолкнуло меня от них; я лишь отчётливее чувствовал то, что давно уже заметил: люди, принадлежащие к привилегированным сословиям, нарочито холодны с простым народом и стараются держаться от него подальше, словно опасаясь навредить себе близостью к низшему званию; впрочем, встречаются среди них ветреники и злые насмешники, будто бы снисходящие до бедняков, чтобы тем болезненнее выказать им своё высокомерие.

Я знаю, равенства меж нами нет и быть не может, однако же держусь того мнения, что человек, почитающий необходимым строниться так называемой черни, дабы выситься в глазах окружающих, подобен трусу, бегущему от врага из страха перед поражением.

Недавно был я вновь у источника и повстречал там молоденькую служанку, поставившую свой кувшин на нижнюю ступеньку лестницы и поглядывавшую наверх в ожидании других девушек, которые помогли бы ей водрузить его на голову. Я спустился вниз и посмотрел на неё.

— Дозвольте помочь вам, сударыня, — молвил я ей.

— О нет, что вы, сударь! — отвечала она, зардевшись как маков цвет.

— Ну же, без церемоний, — настаивал я.

Она поправила круглую подушечку на голове, и я поставил на неё кувшин. Поблагодарив, она стала подниматься наверх.

17 мая

Я свёл множество знакомств, хотя и не вхож покамест ни в один дом. Не знаю, чем могу я быть столь привлекателен для окружающих: многим я тотчас прихожусь по нраву, они охотно составляют мне компанию, разделяя со мною часть пути, и мне грустно расставаться с ними, если пути наши скоро расходятся. Если спросишь

ты, каковы люди в этом местечке, я должен буду ответить: как и в любом ином! С родом людским всюду дело обстоит одинаково. Большинство трудится не покладая рук, чтобы жить, те же крохи свободы, что остаются им, так пугают их, что они торопятся избавиться от них любыми способами. Вот удел человека!

Однако народец славный! Когда порою, забывшись, я разделяю с ними те немногие радости, что жизнь всё же дарует человеку, — благочинное застолье, сдобренное простодушными, дружелюбными шутками, конную прогулку по окрестностям, танцы и тому подобные увеселения, — это производит на меня весьма благотворное действие; главное — не вспоминать в эти минуты о других силах, томящихся во мне и пропадающих втуне, которые принуждён я усердно скрывать. Ах, как это теснит сердце! Увы, быть непонятым есть печальный жребий таких, как я.

О, зачем не стало подруги моей юности! Зачем только судьба свела меня с нею! Я сам говорю себе: глупец! ты ищешь то, чему нет места под луною! Но ведь была же